

Представляется, что исходное звено этой парадигмы следует считать производным от номинации *Божья воля* 'молния' и возникшим по семантической модели «ударенный молнией \Rightarrow сошедший с ума, помешавшийся», существование которой подтверждается фактами из других славянских языков: праслав. **mьldni* 'молния' > сербохорв. диал. *мунѐн, мўѐн* 'взбалмошный, придурковатый; помешанный, пьяный'; словен. *molnjen*, сербохорв. диал. *munjen, mūnjen, minjen* 'оглушенный, одуревший' [ЭССЯ 20, 222–223]. Дальнейшие же значения возникли уже не столько под влиянием идеи «грозы как Божьей воли», сколько по логике, которую задает языковая система (ср. почти идентичную вышеприведенной парадигму значений слов *беситься, бешеный* в современном русском языке).

Итак, рассмотрение устойчивых словосочетаний и производных от них лексических единиц можно осуществлять в динамическом аспекте, т.е. оценивать их функционирование на описанных уровнях как процесс свертывания стоящего за ключевым словом культурного текста – от достаточно полноценной и развернутой его реализации в паремиологических единицах до конденсированной или фрагментарной экспликации на лексическом уровне. При этом семантические трансформации, неизбежные в ходе приспособления одной системы к другой, имеют различный характер.

Так, единицы лексических подуровней могут возникать на базе сохраняющейся в обобщенном виде идеи – мифологемы, выступающей здесь в качестве «архисемы» (например, идея благого Божьего дара, идея молитвы как универсального способа взаимодействия человека с Богом); языковые номинации могут выражать отдельные составляющие этой идеи, но связь с нею актуальна и присутствует имплицитно.

В других случаях влияние языковой системы побеждает; тогда, как отмечалось при описании последнего клише, происходит закрепление за лексемой определенного значения, которое развивается дальше по законам языка, с отрывом от прецедентных мифологических смыслов.

Е.В. Лысова

**О возможностях ономаσιологического анализа
производной лексики (на материале
оторнитонимических дериватов в русских говорах)**

Производная лексика представляет собой уникальный источник информации о фрагментах языковой картины мира. Данный слой лексики позволяет увидеть в закреплённой языковой форме непосредственные звенья восприятия номинатором явлений реальной действительности. Эта информация сохраняется за счет участия в деривационном процес-

се. Семантические дериваты с ономаσιологической точки зрения можно считать результатом имевших когда-то место номинативных актов, данные об условиях протекания которых утеряны. Одним из таких условий можно считать систему представлений номинатора, члена определенной этнокультурной общности.

Акт вторичной номинации отличается от акта первичной номинации наличием особого номинативного эффекта – ситуации «удвоения денотата»¹. В сфере интереса данного исследования находится производящий элемент, выступающий как основа вторичного наименования. Исследовательское внимание к производящему сквозь призму производного связано с особенностями преломления семантики производящего в семантической структуре производного: «Нередко в производных словах может актуализироваться семантика, стертая в производящем, оттесненная на периферию или отражающая не значение, а коннотацию»². Следовательно, можно рассматривать семантику производного как источник сведений о производящем, объективность и авторитетность которого детерминирована закреплением дериватов в языковой системе в виде конкретных лексических единиц, которые вступают в определенные синтагматические и парадигматические связи.

Обратимся к процедуре анализа производной лексики, нацеленного на вычленение информации, которая значима для реконструкции сознания номинатора. Для демонстрации методики анализа конкретных лексических единиц, которая позволяет эксплицировать из языковой формы интересующие нас фрагменты информации, выделим этапы обработки производящей основы, осуществляемой субъектом в ходе вторичной номинации:

1. В качестве основы вторичной номинации выступает сема производящего орнитонима, которая коррелирует с соответствующим признаком ментального образа³, производящего ментального образования, соотносимого, в свою очередь, с выбираемым признаком денотата. Работа номинирующего сознания сводится к выбору производящей семы из семантической структуры производящего слова или к выбору смысловозначительного признака из структуры ментального образа.

2. «Птичьи» образы становятся сферой сопоставления для различных предметов и явлений реальной действительности при вторичной номинации последних. Денотаты указанных предметов и явлений принадле-

¹ Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. С. 64.

² Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М., 1989. С. 227.

³ Для обозначения данной категории используется термин А.В. Гуры. См.: Гура А.Ф. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 912 с.

жат к различным ячейкам идеографической сетки. Иными словами, соотносятся денотаты с различными идеографическими координатами (птица - женщина, птица - человек, птица - танец и т. п.).

3. При языковом оформлении переносного наименования нередко использование различных языковых средств, варьирующих форму производящего орнитонима в пределах одной лексемы или модифицирующего исходный элемент до предикативной конструкции или словосочетания. Номинатором производится работа по оформлению переносного значения.

В процессе анализа каждого из выделенных дериватов эксплицируется внутренняя форма при опоре на внешнюю структуру номинации. Внутренняя форма становится, во-первых, базой для реконструкции смысловразличительного признака ментального образа, во-вторых, дает информацию о выборе языковой оболочки для воплощения мотивировочного признака в структуре производного. Кроме того, для каждого деривата отмечается идеографическая координата, к которой относится денотат производного. На основании выделенных категорий производится дальнейший анализ единиц.

Приведем пример ономазиологической реконструкции производных образований. Работая с дериватом *воробейчик* 'о мужчине небольшого роста' [СРНГ 5, 102], выделим обозначенные семантические категории. Форма деривата складывается из формы производящего орнитонима и словообразовательного аффикса *-чик-*. Внутренняя форма деривата 'имеет сходство с воробьем'. При сопоставлении внутренней формы деривата, лексического значения деривата ('мужчина небольшого роста') и лексического значения орнитонима реконструируются смысловразличительные признаки ментального образа воробья 'имеет маленький размер', 'быстрый, подвижный'.

Обработка лексики осложняется за счет того, что категории внутренней формы и мотивировочного признака не тождественны. Как правило, категория внутренней формы шире, чем категория мотивировочного признака (например, мотивировочный признак 'имеет размер, равный размеру воробья' при внутренней форме 'имеет сходство с воробьем' для единицы *воробейчик* 'мужчина небольшого роста'). В результате при ослабленных связях между лексическим значением деривата и лексическим значением орнитонима (при потере мотивационного звена в силу различных причин) условность исследовательской интерпретации увеличивается, а экспликация смысловразличительного признака усложняется. Например, *воробей* 'замок' [СРНГ 5, 102]. Интерпретация внутренней формы сводится к формулировке 'имеет сходство с воробьем', однако категории сопоставления не ясны. Приходится предпола-

гать, что в основе вторичной номинации могли быть признаки 'имеет маленький размер', 'имеет круглую форму', 'имеет определенный цвет оперения', 'издает характерный звук'.

Таким образом, возвращаясь к работе сознания номинатора, отметим следующие этапы:

1. Были выбраны определенные семы орнитонима и соответствующие им смыслоразличительные признаки ментального образа в процессе производства вторичной лексики ('имеет маленький размер', 'быстрый, подвижный', 'имеет оперение определенного цвета', 'имеет круглую форму', 'издает характерный звук').

2. «Птичьи» образы были сопоставлены с денотатами из идеографической сферы «человек», «предмет быта».

3. Для реализации номинативного замысла использовалась форма, совпадающая с формой производящего орнитонима (*воробей* 'замок'), форма, модифицированная уменьшительным суффиксом *-чик-* (*воробейчик* 'мужчина небольшого роста').

Обратимся к вопросу о разрешающем потенциале предложенного ономаσιологического анализа.

Предложенный анализ открывает возможности ономаσιологического подхода в описании группы вторичной лексики. При описании достаточно большого количества семантических дериватов одной тематической группы (в данном случае речь идет о группе оторнитонимических производных) можно реконструировать ментальные компоненты, обладающие большой номинативной активностью. Полученные образования могут помочь обнаружению закономерностей номинативного осмысления действительности и служить иллюстрацией для различных явлений семантического характера. Рассмотрим некоторые из них.

По результатам реконструкции смыслоразличительных признаков вокруг каждого из проанализированных ментальных образов складываются своеобразные смысловые сферы, смысловые диапазоны. Конструирование смыслового диапазона позволяет наглядно представить элементы образа, актуальные для номинативной деятельности субъекта. Например, *воробей*

- обладает мелким размером (в *воробья* 'снег падает у него не на вершки, «в воробья», а «в сидячу курицу»' [СРНГ 5, 102], *воробей* 'маленькая бутылка водки' [СРНГ 5, 102], *воробей* 'замок' [СРНГ 5, 102], *воробейчик* 'о мужчине небольшого роста' [СРНГ 5, 102], *воробейко* 'самец лося, оленя до двух лет' [СРНГ 5, 102], *воробышек* 'мушка ружья' [СРНГ 5, 102], *воробыи* 'вареные комочки из муки' [СРНГ 5, 102], *воробьятник* 'сорт мелкой вишни' [СРНГ 5, 102], *горобец* 'суслик' [СРНГ 7, 54]);

- обладает клювом мелкого размера (*короче воробьиного носа* 'о краткости, непродолжительности чего-либо', *с воробьиный нос* 'маленький, очень мало' [ССРЛЯ 2, 672]);
- преодолевает при передвижении небольшое пространство (*воробьиный шаг* 'самый краткий, малый шаг' [ССРЛЯ 2, 672]);
- обладает плохой (мелкой) или плохой (потому что не такой, как у человека⁴) памятью (*воробьиная память* 'очень плохая память' [СРНГ 5, 102]);
- обладает круглой (комом) формой тела (*воробей* 'замок' [СРНГ 5, 102], *воробышек* 'мушка ружья' [СРНГ 5, 102], *воробьи* 'вареные комочки из муки' [СРНГ 5, 102], *как воробей* (*нахохлился*) [ССРЛЯ 2, 672]);
- обладает оперением серого цвета (*воробьи* 'вареные комочки из муки' [СРНГ 5, 102], *горобец* 'суслик' [СРНГ 7, 54]);
- выполняет быстрые, подвижные движения, юркий, незаметный (*был воробей* 'о наступлении старости' [СРНГ 5, 102], *воробей* 'маленькая бутылка водки' [СРНГ 5, 102], *воробейко* 'самец лося, оленя до двух лет' [СРНГ 5, 102], *воробейчик* 'мужчина небольшого роста' [СРНГ 5, 102], *горобец* 'суслик' [СРНГ 7, 54], *игра воробьем* [СРНГ 5, 102], *как воробей* (*суетливый*) [ССРЛЯ 2, 672], *прыгает воробышком* 'ловко, юрко' [ССРЛЯ 2, 672]);
- часто подвергается опасности, поэтому постоянно должен остерегаться (*игра воробьем* 'становятся в ряд и берут друг друга за руки. Воробей должен подпрыгнуть под руки у всех. Его хлещут за ноги' [СРНГ 5, 102]);
- проживает жизнь, полную опасностей, к концу которой приобретает опыт, сноровку (*старый, стреляный воробей* 'о человеке опытным, хитром, ловком' [ССРЛЯ 2, 671]);
- обитает парами, сидя близко друг к другу, что оценивается как влюбленность (*воробышками сидеть* 'сидеть в обнимку' [ЛК ТЭ]);
- издает характерный (крикливый, шелкающий) звук (*как воробей* (*суетливый, крикливый*) [ССРЛЯ 2, 672], *воробей* 'замок' [ССРЛЯ 2, 672]);
- питается мелкой ягодой, так как сам мелкий либо так как она не пригодна для человека (*воробьятник* 'сорт мелкой вишни' [СРНГ 5, 102]).

⁴ Ср. интерпретацию «птичьих» названий растений, осуществленную В.А. Меркуловой: Меркулова В.А. Очерки по русской народной терминологии растений. М., 1967. С. 84.

При анализе подобных реконструктов и при их сопоставлении друг с другом выделяются некоторые тенденции, работающие в номинативном процессе.

Реконструкция смысловых диапазонов ментальных образов по результатам анализа участия последних в акте вторичной номинации показала, что ни один из полученных реконструктов полностью не накладывается на другой. Учитывая момент неизбежного, в силу принадлежности к одной тематической группе, и принимая во внимание пересечение ментальных образов-реконструктов, можно говорить о том, что номинатор видит различия, которые, видимо, для него существенны. Это детерминирует вариативность всех полученных образований.

Некоторые смысловые диапазоны обнаруживают в своей структуре доминантные признаки (для рассмотренного выше образа воробья это признаки 'имеет маленький размер', 'быстрый, юркий, подвижный', для лесных птиц желны, кайки, кани, канюка – признаки звукового проявления). Можно считать, что в данном случае происходит символизация признака с последующим закреплением в ментальной структуре, что несколько сдерживает функционирование других признаков. Противоположное явление – сосуществование и функционирование равнозначных признаков в структуре ментального образа. Например, широкая плоскость смыслоразличительных признаков образов вороны и ворона: от признаков внешнего вида, поведения, совпадающих с реальными атрибутами птиц (*вороново крыло*, *воронье крыло* 'о чем-либо черном, о чем-либо с синевато-стальным отливом' [СРНГ 5, 115], *ворона в рот залетит* 'о невнимательном человеке' [ССРЛЯ 2, 677], *гаву, ворону дал* 'прозевал' [СРНГ 6, 83]), до ирреальных признаков, в основе которых мифологические представления (*вороний день* 'день похорон' [ЛК ТЭ], *ворон* 'незаконнорожденный сын' [НОС 1, 137], *ворон* 'о человеке, предвещающем беду' [ССРЛЯ 2, 677]).

Можно говорить также о существовании тенденции к выбору и подробной разработке смыслоразличительных признаков внешнего вида, поведения, основанной на визуальном осмыслении. Данная тенденция действует при осмыслении птиц, обитающих в одном пространстве с человеком (например, воробей, ворона, ворон, курица, петух, гусь, утка, жаворонок и некоторые другие). Противоположная тенденция наблюдается при осмыслении в качестве участников деривационного процесса лексем, обозначающих птиц, которые проживают в пространстве, не освоенном человеком. Данная тенденция проявляется в активном использовании с последующей интерпретацией аудиальных признаков, например, для образов кани, канюка, кайки, каньжи, желны.

Предлагаемый подход к анализу деривационной лексики позволяет наблюдать некоторые явления номинативной техники. Включая в состав исследуемых семантических дериватов не только однословные номинации, но и нетипичные для русского языка номинации-предикации, можно стать свидетелем интересных технических и семантических соответствий.

Например, выделим характерную для русского языка тенденцию использования неконкретной внутренней формы для реализации номинативного замысла (речь идет об использовании широкой внутренней формы ('имеет сходство с птицей'), растворяющей в себе признак номинации). В подобной ситуации ряд номинаций с размытой внутренней формой сохраняют указания на параметры сопоставления (например, в номинации с размытой внутренней формой *воробейчик* 'мужчина небольшого роста' параметры сопоставления – 'имеет маленький размер', 'быстрый, подвижный' – сохраняются), а ряд номинаций эти указания теряют (например, номинация *воробей* 'маленькая бутылка водки' параметры сопоставления теряет: не ясно однозначно, почему маленькая бутылка водки названа воробьем). Последние приближаются к полюсу деэтимологизации.

Итак, попытаемся представить механизм образования подобных единиц. Номинатор видит отчетливо мотивировочный, смысловозначительный признак, осознает параметры отождествления и выбирает неконкретную форму для реализации своего номинативного замысла. Указанный процесс допустим только при хорошо разработанной системе кодировки. Иными словами, можно утверждать, что участники номинативного акта (номинатор и адресат) владеют семиотической структурой образа, поэтому допускают пропуски в номинативно-гносеологической цепи, так как эти пропуски всем известны.

Отмечено явление использования морфемных конкретизаторов (уменьшительных суффиксов и грамматической формы множественного числа), которые совпадают с номинативно активными признаками ментального образа. Например, варианты уменьшительного суффикса (*воробышек, воробейчик, воробейко*), совпадающие по семантике с доминирующим смысловозначительным признаком 'имеет маленький размер' и связанные с признаком 'быстрый, подвижный', или использование грамматической формы множественного числа для закрепления в форме слова признака 'проживающий парно', 'проживающий стаей' для образований от орнитонимов *гусь, жаворонок, воробей, ворон, ворона, галка, утка* и некоторых других. Выделенное явление можно считать фактом лингвистической адаптации гносеологических структур через включение образных лексических единиц в системные связи с

выстраиванием оппозиций на парадигматическом (формы единственного и множественного числа) и синтагматическом (включение в структуру слова аффикса и возникающий эффект синтагматической сочетаемости) уровнях.

Результаты предлагаемого ономаσιологического анализа с учетом специфики получения данных (метод семантической реконструкции), а также особенностей структуры номинирующего сознания как принадлежащего коллективному субъекту, можно интерпретировать и в этнолингвистической плоскости. Данные области (ономаσιология и этнолингвистика) оказываются в отношениях взаимосвязанности (данные ономаσιологического анализа могут работать на решение этнолингвистической проблематики, данные этнолингвистики способствуют ономаσιологическим исследованиям).

Кроме того, предлагаемый ономаσιологический анализ с реконструкцией семиотических элементов образной структуры выявляет отдельные факты, позволяющие аргументировать, например, этимологические процессы.

Так, при поиске этимологического признака орнитонима иногда приходится сталкиваться с различными этимологическими версиями. Для орнитонима *воробей* таких версий две: одна из них принадлежит М. Фасмеру (1, 351–352), другая – А.Ф. Журавлеву⁵.

По мнению Фасмера, орнитоним *воробей* восходит к и.-е. **vorb-*, имея соответствия в греческом и латинском, без указания значения корня. При этом указанный корень контаминирует со словами на *z*, например, *zvīpuris*, имеющими славянские соответствия, со значением ‘звенеть, звонить’. М. Фасмером приводится также гипотеза А.А. Шахматова о заимствовании из фин. *varpu* ‘воробей’ с этимологическим значением ‘звенеть’. Таким образом, скорее всего, М. Фасмер склоняется к версии звукоподражательного происхождения орнитонима.

Далее разводятся лексемы *воробей* ‘птица *Passer*’ и *вороба* ‘приспособление для размотки пряжи’, *вороб* ‘мотовило’, последние сближаются с лтш. *virba* ‘полоса железа, деревянный шест, копьё’, ‘тонкая палка’, лит. *virbas* ‘хворостина, прут’, лат. *verbera* ‘розги’, др.-исл. *varp*, д.-в.-н. *warf* ‘основа ткани’, др.-шв. *verpla*, *verple* ‘бечевка, веревка’ *verpa*, ‘бросать, навивать основу ткани’. Балтийские и германские лексемы сравниваются с лит. *verpiu* ‘прясть’.

В этимологии, предлагаемой М. Фасмером для слов *вороб* ‘мотовило’, *вороба* ‘приспособление для размотки пряжи’, много неясного. Во-первых, так и не указан этимологический признак корня **verp-*:

⁵ Журавлев А.Ф. К этимологии слав. **vorb-* ‘птица *Passer*, воробей’ // Этимология. 1978. М., 1980. С. 52–58.

‘прясть’(?). Во-вторых, неясно, как, например, соотносятся значения ‘прясть’, ‘приспособление для размотки пряжи’, ‘мотовило’, ‘бросать, навивать основу ткани’, ‘бечевка, веревка’ и значения ‘полоса железа, деревянный шест’, ‘хворостина, прут, розги’.

А.Ф. Журавлев предлагает альтернативную этимологическую версию, учитывая возможность оноματοпозитического происхождения корня **-uer-* со значением ‘говорить, издавать звуки’ (со ссылкой на авторов «Болгарского этимологического словаря»). Автор сопоставляет варианты орнитонима со значением ‘птица *Passer*’ с лексическими вариантами терминов ткачества со значением ‘мотовило’, ‘крестовина для намотки пряжи’, ‘орудие для начертания кругов’. Неслучайность установленной близости доказывается, во-первых, наличием большого количества параллельных оторнитонимических названий в терминологии ткачества. Например, *вьюрок*, *вьюн*, *вьюха*, *вьюша* и т.п. Во-вторых, по мнению автора, на неслучайность формальной близости указанных лексических групп указывает серия однотипных восточнославянских загадок, где наблюдаются следующие соответствия: лебедь – мотовило, ласочка – мотовило, гуси – мотовило. Кроме того, А.Ф. Журавлев указывает на наличие большого количества технических терминов, соотносимых с орнитонимами: *лебедка* ‘барабан для наматывания троса’, *лебедь* ‘рукоять ворота’ и под.

Итак, на основании приведенного материала можно сделать следующие выводы.

Во-первых, *воробей* ‘птица *Passer*’, как и *вороба*, *вороб* ‘мотовило’, восходит к и.-е. **uerb-*, **uorb-* < **guer-* ‘вращаться’, что является омонимичной формой к и.-е. **uer-* ‘говорить, издавать звуки’ (ср. версию М. Фасмера). Таким образом, *воробей* ‘птица’ имеет этимологическое значение ‘юркий, вертлявый’.

Во-вторых, автора интересует семантическое соответствие между ‘птица воробей’ и ‘мотовило’. По его мнению, эти две единицы связаны между собой отношениями производности, где первичным значением является *воробей* ‘птица’, что доказывается наличием загадок и компактностью ареала распространения лексемы (наблюдается только на русской почве).

Целесообразным при решении данного этимологического спора представляется сравнить предлагаемые Фасмером и Журавлевым этимологические признаки с набором реконструируемых смыслоразличительных признаков ментальных образов, выделенных на основе анализа результатов семантической деривации. Эксплицированные в результате анализа семантической деривации смыслоразличительные признаки

совпадают с этимологическим вариантом признака А.Ф. Журавлева и не совпадают с этимологическим вариантом признака М. Фасмера.

Данный факт можно считать гипотетическим аргументом в пользу одной из версий. Однако использование подобного приема в качестве доказательства требует более детальной разработки.

Прокомментируем еще одно этимологическое явление, широко представленное в орнитонимическом контексте, обнаруженное при анализе производной лексики. Речь идет о явлении неоднозначной мотивации – этимологической ситуации, где с одинаковой степенью вероятности могут работать две или несколько этимологических версий.

Вернемся к этимологической версии относительно орнитонима *воробей*, предложенной А.Ф. Журавлевым. По мнению автора, лексемы *вороб*, *вороба*, *воробка*, *воробы* ‘мотовило’ являются семантическими производными образованиями от орнитонима *воробей*, что подтверждается, по логике исследователя, наличием большого числа подобных соответствий (птица – термины ткачества), присутствующих в загадках.

Альтернативный вариант этимологии – самостоятельное образование единиц со значением ‘мотовило’, параллельное образованию *воробей* ‘птица *Passer*’, от и.-е. **uērb-* ‘вертеть’.

Группа исследуемых дериватов, связанных с орнитонимическими производными, демонстрирует частотно представленное явление неоднозначной мотивации: *кукушек* ‘безымянный палец’ [СРНГ 16, 47]; *кукушка* ‘сосновая или еловая шишка’ [СРНГ 16, 48]; *кукушки* ‘сборки у рукавов старинной женской одежды’, *кукушками* ‘в сборку’ [СРНГ 16, 48]⁶; *кура*, *курица* ‘крюк стропил’ [СРНГ 16, 128; ЛК ТЭ]⁷; *курок*, *кочет*, *кочето*, *кочеток* ‘деревянная ручка косы’ [СРНГ 15, 129; СРНГ 15, 131]⁸, *вороб*, *воробы*, *вороба* ‘мотовило’ [СРНГ 5, 101 – 102]⁹.

Особенность рассматриваемой ситуации в данном контексте в том, что орнитонимическая этимологическая версия очень сильна: находятся типологические семантические модели, объясняются все звенья мотивационной цепи. При этом силу этимологической версии придает тот факт, что все подобные образования, как правило, связаны по одной из

⁶ Одна из этимологических версий может быть связана с орнитонимом *кукушка*, другая – с архаическим корнем *kuk-* ‘гнуть’.

⁷ Одна из этимологических версий может быть связана с орнитонимом *курица*, другая – с архаичным корнем *kur-* ‘гнуть’ (см.: Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *-и* // Этимология. 1971. М., 1973. С. 63–64).

⁸ Один из путей появления лексемы *курок* – калькирование с немецкого [Фасмер 3, 427], наличие лексем *кочето*, *кочеток*, *кочет* подтверждает самостоятельную оторнитонимную модель, с одной стороны, и допускает связь с **kok-* (**koc-*) ‘торчать’ – с другой.

⁹ Одна из версий – оторнитонимическая (см. у А.Ф. Журавлева), другая версия связана с архаичным корнем *uērb-* ‘вертеть’.

версий с архаичными корнями (**kuk-*, **kok-* ‘гнуть’, **kur-* ‘гнуть’, **kos-* ‘торчать’, **uerb-* ‘вертеть’). В результате оторнитонимическая версия, не являясь, возможно, этимологической, становится народноэтимологической и контаминирует с исходным этимологическим признаком. В таких ситуациях необходимо разрешение этимологической «дискуссии» для каждого из найденных образований.

Таким образом, предлагаемая методика ономаσιологического анализа производной лексики актуальна не только при собственно ономаσιологическом исследовании. Она может быть использована при работе с лексическим фондом в этнолингвистическом направлении исследования, а кроме того, открывает дополнительные возможности для этимологического анализа.

М.А. Макридина

Опыт анализа мотивной структуры концепта «трудолюбие» в русском языке

Изучение лексико-семантических полей в русле концептуального анализа представляется перспективным в целях экспликации определенного фрагмента знания о действительности, зафиксированного в языке. Данная статья является попыткой рассмотреть внутреннюю организацию концептуального поля «трудолюбие» в русском языке.

Материалом для анализа послужили лексические и фразеологические единицы диалекта и литературного языка, содержащие в своей семантике признак ‘положительное отношение к труду’ (выборка производилась по следующим источникам: СРГСУ-Д, ЛК ТЭ, НОС, СОВРЯ, СРГСУ, СРНГ, ССРЛЯ, ТСРЯ XX в.)¹.

При реконструкции концепта важнейшую роль играет изучение ономаσιологического уровня смыслообразования, который создается совокупностью мотивировочных признаков, легших в основу номинаций, составляющих концептуальное поле.

Особенность формирования смыслов в концептуальном поле «трудолюбие» заключается в том, что в фокусе номинации оказывается лицо по отношению к процессу – трудовой деятельности. При этом выделяется два аспекта. С одной стороны, оценивается именно *субъект труда* – в его природных качествах и свойствах. С другой стороны, характеризуются *субъектно-объектные отношения* (где объектом является

¹ При сборе словарного материала отбирались лексемы с дефинициями типа ‘хороший работник’, ‘работающий человек’, ‘человек, усердный в работе’, ‘трудолюбивый человек’, ‘умелец, мастер на все руки’ и т.п.